

ИМЕННЫЙ ПАДЕЖ

Система падежных употреблений с противопоставлением прямого падежа и косвенных падежей сложилась еще в (поздний) индоевропейский период. В этой системе И. п. изначально мог иметь разные значения – агенса (субъект действия), пациенса (непосредственный объект действия), субъекта состояния и т. п. При этом не было корреляции между наличием именной группы в И. п. и синтаксическим статусом подлежащего, что отражается в ряде падежных конструкций, получивших распространение в слав. языках. Были возможны полные глагольные и связочные предложения без именной группы в И. п. – бессубъектные безличные предложения (*И писецъ възрѣлъ въ грамоту, и въ грамотѣ пишеть* ‘и писец посмотрел в судебное решение, а там написано...’) и безличные предложения с семантическим субъектом. Имелась также возможность употребления именной группы в И. п. в несубъектных позициях, в том числе в позиции дополнения, ср.: *тѣбѣ рѣже* [= рѣжь, И. п.] *свѣя* [= своя, И. п.] *сняти* [инф.], *а мнѣ накладъ твое дати* ‘тебе следует убрать свою рожь, а я должен отдать тебе проценты с долга’. Взаимосвязь двух данных черт слав. и др.-рус. синтаксиса проявляется в том, что если безличный глагол (ср. др.-рус. *достойть* ‘подобает’) или предикативом (ср. *(не) надобѣ* ‘(не) надо’) сочетается с именной группой в И. п., она не осмысливается автоматически как подлежащее и может получать статус дополнения, ср. *достойтъ ли служити за нь и кутья слати* ‘положено ли служить за него и слать кутью?’, *Тѣм их людем не надобѣ моя великого князя дань, ни поворотное, ни иные никаторые пошлыны* ‘тем их людям не полагаются ни моя, великого князя, дань, ни таможенная пошлина и никакие другие пошлины’.

С синтаксической точки зрения употребления И.п. делятся на две группы – аргументные (когда именные группы используются в позициях подлежащего и дополнений) и неаргументные (когда именные группы используются в других позициях, в т. ч. в качестве именного компонента сказуемого). Аргументные употребления принципиально отличаются от неаргументных в двух отношениях: 1) употребления именных групп в

позициях подлежащего и дополнений всегда связаны с моделью управления глагола или предикатива; 2) в позициях подлежащего и дополнения именные группы всегда выражают те или иные семантические роли. Напротив, неаргументные употребления не привязаны к моделям управления конкретных глаголов и предикативов и не обусловлены выражением определенных семантических ролей. В большинстве неаргументных употреблениях И. п. реализуется назывная функция И. п. Примерами неаргументных употреблений И. п. в истории рус. языка служат следующие конструкции.

1) И. п. темы. Данная конструкция реализуется за счет вынесения в начало высказывания не управляемой в падеже именной группы, к-рая не является членом предложения, но задает тему сообщения. В последующей части высказывания обычно присутствует отсылающее к вынесенной теме местоимение или лексический повтор: *Тѣ, господине, уже встѣх в животе нѣту* ‘тех [людей], господин, уже нет в живых’ (ср. совр. *А Вася – его уже отчислили*).

2) И. п. перечисления. В контексте перечисления один из членов (обычно – не первый) может выступать в И. п., даже если предыдущие члены стоят в косвенном падеже: *всяло [= взялъ] горончаро* [‘гончар’] *2 сорока куницю, кобылу, 3 кожи, шапка, сани, хомуты*.

3) И. п. присоединения. После присоединительного союза в группе, вводимой переходным глаголом, факультативно используется И. п.: *Онта не послале Овдокиму два клеща* [‘двух лещей’] *да щука*.

4) И. п. приложения. Приложение может факультативно ставиться в И. п., когда опорное слово стоит в косвенном падеже. Ср.: *А что мя еси, господине, пожаловалъ, далъ ми еси въ вотчину и въ вудѣль половину* [вин. п.] *Заозерья, отчины Заозерскихъ князей половина* [И.п.].

5) И. п. предикативный. Именной компонент сказуемого ставится в И. п., в т. ч. при полужнаменательном глаголе, ср. *ходить незванъ* ‘ходит незванным’, *сказался кто-л.* ‘назвал себя кем-л.’. В данном употреблении И. п. конкурирует с творительным предикативным, ср.: *И он... сказался перво Семеном* [тв. п.] *зовут Щербачов* [И. п.], *а вдругорять... сказался Харитон Щербачов* [И. п.]. И. п. предикативный мог употребляться при внешне не выраженном подлежащем, ср.: *Какъ выговоривши* [дееприч.]

царю рѣчи **все посолство** [И. п.], да и списокъ царю дати [инф.] **тѣхъ речей все посолство** [И. п.] ‘Как произнесешь положенные речи перед царем **всем посольством**, так отдашь царю список этих речей, тоже **всем посольством**’.

Аргументные несубъектные употребления И. п. представлены в истории рус. языка двумя конструкциями.

1) И. п. при инфинитиве, иногда называемый в научной литературе «оборотом земля пахать»: *въ волости твоеи толико **вода пити** в Городицкихъ* ‘В Городище, твоем владении, можно только пить воду’; *Тая правда узяти русину у Ризѣ и на Готескомъ березе* ‘права и обязанности русских в Риге и на Готланде должны регулироваться данной правдой [т. е. договором]’.

2) И. п. объекта (обычно при безличном предикативе, изредка при причастии и деепричастии, окказионально – при спрягаемой форме глагола): *послуси* [И. п. мн. ч.] *ему не надобе* ‘ему не требуются свидетели’; *поручено же бысть ему стража морская* [И. п. ед. ч.] ‘ему был поручен морской дозор’; *а та земля чистил Иван Брылкин*.

В обеих конструкциях именная группа в И. п. не контролирует согласовательную форму сказуемого в числе, роде и лице; если в предложении имеется внешне выраженная связка, она ставится в с. роде ед. ч.

Конструкции с И. п. при инф. и И. п. объекта распознаются на материале имен с неомонимичными формами И. п. и вин. п., прежде всего имен ж. рода склонения на *-а*. В прочих случаях падеж можно установить по зависимым словам в ж. роде, т. к. И. п. приписывается всей синтаксической группе, ср.: *не у ябедника **скорая винность и правость познать можно*** ‘быстро установить, кто прав, кто виноват, можно не у судебного крючкотвора’. Аналогичным образом падеж определяется в составе перечней, где одним из членов ряда является имя с неомонимичной формой И. п.: *а **лень и пенька** гораздо ниже половины тамошней ихъ цѣны **купить** можно* (впрочем, в др.-рус. памятниках примеры такого типа могут рассматриваться и как И. п. присоединения/перечисления, т. е. как случаи не управляемого глаголом неаргументного И. п.).

В славистике конструкции И. п. с инф. и И. п. объекта часто рассматривают отдельно по трем причинам. Во-первых, оборот *земля пахать*

имеет устойчивое модальное значение долженствования или возможности (*а правому человеку на ту землю и судница дати* 'Признанному же в своем требовании правым человеку следует выдать судебное определение на право владения той землей'). Обороты с И. п. объекта такого значения не выражают (*Ино государю правда давши, взять свое* 'после того, как господин (хозяин) установит порядок, он может взять свое').

Во-вторых, именная группа в И. п. в обороте *земля пахать* теоретически может рассматриваться не только как дополнение инфинитива, но и как подлежащее конструкции с обстоятельственным (целевым) инф.: в таком случае примеры типа *вода пити* интерпретируются как 'вода предназначена для питья'. В работах Ф. Миклошича, А. А. Потебни, А. В. Попова, А. А. Шахматова, Ю. С. Степанова, В. Б. Крысько в качестве исконного состояния конструкции *земля пахать* постулировалась синтаксическая структура с подлежащим в И. п. и обстоятельственным инф. Однако примеры, подтверждающие данную интерпретацию, в истории рус. и др. слав. языков появляются поздно (ср.: *трава же пить очень приятна* [А. Т. Болотов]), и возможно, отражают не исконное состояние, а колебания позднейшего периода, когда дополнения в И. п. выходят из употребления.

В-третьих, обороты типа *земля пахать* представлены с начала письменной истории рус. языка более регулярно, чем прочие примеры с И. п. объекта, и особенно характерны для сев.-рус. памятников и совр. диалектов рус. Севера. В этой связи Б. А. Ларин, А. Тимберлейк, Дж. Данн и другие слависты отстаивали гипотезу о том, что др.-рус. конструкция «И. п. + инф.» может быть заимствованием из западно-финского, отражающим ареальные контакты финно-угорских, слав. и балтийских языков.

В свете современной диахронической типологии вопросы об автохтонном либо заимствованном характере оборота *земля пахать* и об эволюции грамматического строя, при котором дополнение переходного глагола может получать И. п., должны быть разделены. Гипотеза о том, что в конструкции «И. п. + инф.» именная группа в И. п. изначально играла роль дополнения, заслуживает предпочтения по сравнению с гипотезой о том, что в истории самих слав. языков произошло переосмысление предполагаемого подлежащего в И. п. как дополнения инфинитива. Это не отменяет возможности того, что переосмысление предполагаемого подлежа-

щего или некоторого неаргументного употребления И. п. (см. выше) могло произойти в дописьменный период, при этом ареальные контакты с урало-финскими и балтийскими языками способствовали закреплению конструкции «И. п. + инф.». В то же время возникновение параметра, разрешающего дополнение в И. п., скорее всего, не связано с западно-финским влиянием, т. к. примеры с И. п. объекта в предложениях без инф. фиксируются и за пределами контактной зоны уже в XII–XIV вв.

Уже в древнейших памятниках рус. языка конструкция «И. п. + инф.» устойчиво используется в следующем значении: дополнение инфинитива в И. п. фокусирует внимание на объекте необходимого или возможного действия, а форма инф. выражает модальное значение. Эта грамматическая семантика существенно не меняется в ходе письменной истории рус. языка, ср. последовательно выдерживаемое противопоставление И. п. при инф. vs. вин. п. при личной форме глагола в грамоте XVI в.: *дати им ули-ца возле мостищо по манастирскои земли – а улицу им дал возле мостищо*. После каузативных глаголов (выражающих значение ‘заставлять кого-л. сделать что-л.’, ср. *велеть*), и волитивных глаголов (выражающих намерение говорящего, ср. *хотеть*), конструкция «И. п. + инф.» в др.-рус. период почти не использовалась. Таким образом, конструкция «И. п. + инф.» ориентирована на контексты, где выражаются приказы, просьбы, пожелания, нормативные рекомендации и утверждения о желательном или оптимальном развитии событий. Для отрицательных предложений конструкция «И. п. + инф.» нехарактерна, хотя отдельные примеры зафиксированы: *И князю продажѧ не взяти* ‘князю не положена пошлина с продажи’ (нормой была постановка именной группы в род. п., ср. пример из того же текста: *А татю вѣры не нять* ‘слова вора не следует принимать на веру’).

Практически все памятники и диалекты рус. языка, имеющие конструкцию «И. п. + инф.» при переходном глаголе, допускают и оформление дополнения инфинитива вин. падежом, что позволяет интерпретировать колебания в выборе падежа дополнения инфинитива как случай дифференцированного маркирования дополнения, т. е. распределения конкурирующих падежей в зависимости от некоторых прагматических факторов. Для памятников др.-рус. периода и совр. диалектов рус. Севера

таким фактором предположительно было функционирование дополнения в качестве носителя основного фразового акцента. Эта гипотеза объясняет количественное преобладание примеров, где стоящее в И. п. дополнение предшествует инфинитиву, поскольку препозиция дополнения инфинитива может рассматриваться как инверсия со сдвигом носителя акцента влево. Такая интерпретация особенно подходит для примеров, где препозиция предполагаемого слова-акцентоносителя сочетается с разрывом именной группы, стоящей в И. п. (*достоит ли попу своей женѣ **молитва** творити всякая*), а также выносом предполагаемого слова – акцентоносителя в начало предложения (***казна** бы царская собирати*). В памятниках XV–XVII вв. распределение конструкций «И. п. + инф.» и «вин. п. + инф.» зависит от новизны/рематичности дополнения инфинитива: формы вин. п. выбираются в контекстах, где называемый дополнением предмет или явление уже активирован в сознании, а формы И. п. – в контекстах, где называемый дополнением предмет представляет новую, важную для развертывания текста информацию и находится в составе ремы высказывания, ср.: *И мы добръ хотимъ, какъ бы намъ твоимъ и своимъ недругомъ **недружба учинити**, да нынѣча зима пришла* ‘и мы очень хотели бы каким-нибудь образом проявить враждебные действия по отношению к нашим общим врагам, но уже наступила зима’ – декларация о готовности говорящего выйти в поход является новой информацией, выбран И. п. / *А впередъ, как лзя будетъ, и мы, ажъ дастъ Богъ, хотимъ твоимъ и своимъ недругомъ **недружбу чинити*** – о планах выйти в поход говорящий сообщал перед этим, выбран вин. п. Общим для всех подобных случаев в памятниках XII–XVIII вв. является то, что 1) И. п. и вин. п. в позиции дополнения инфинитива конкурируют между собой; 2) формы И. п. и вин. п. в позиции дополнения инфинитива распределены в соответствии с некоторыми принципами актуального членения высказывания и развертывания текста.

Конструкция «И. п. + инф.» может употребляться как без внешне выраженного модального субъекта (т. е. субъекта предписываемого или возможного действия), так и с внешне выраженным модальным субъектом, к-рый оформляется дат. п. Этот факт облегчает встраивание конструкции «И. п. + инф.» в синтаксические структуры разного типа, т. к. субъект безличных глаголов (ср. *надлежит, достоин*) и предикативов (ср. *надобе,*

надобно, лзѣ, нелзѣ, волно, любо и т. п.), выражающих в русском языке модальное значение, тоже оформляется дат. п. Модальное значение реализуется как при отсутствии внешне выраженного модального слова (*надо, нужно*, др.-рус. *достоитъ* и т. п.), ср. диал. *баня рубить* ‘следует рубить баню’, так и при его наличии, ср. диал. *надо баня рубить* ‘то же’. Тем самым конструкция «И. п. + инф.» может реализоваться при разном составе элементов: 1) *баня рубить*; 2) *тебе баня рубить*; 3) *надо баня рубить*; 4) *тебе надо баня рубить*.

Оборот «И. п. + инф.» обладает устойчивыми морфосинтаксическими, семантическими и прагматическими признаками в текстах разных эпох. К его общим свойствам можно отнести: 1) факультативное наличие дат. п. субъекта; 2) преобладание препозиции имени перед инфинитивным глаголом. При этом признак 1) также присущ той разновидности конструкции с И. п. объекта, к-рая связана с реализацией безличных модальных предикативов типа *надо(бѣ)* ‘надо’, ‘следует’, *вольно* ‘вправе’, ‘имеет возможность’, субъект к-рых оформляется дат. п. Высказывалось предположение, что конструкция *мнѣ надо(бѣ) земля* сформировалась под влиянием конструкции «И. п. + инф.» (*мне надобе) земля пахать*. Поскольку обе конструкции с И. п. встречаются в одних и тех же др.-рус. памятниках, они, с высокой вероятностью, поддерживали друг друга.

Прямых свидетельств вторичности конструкции с И. п. объекта при модальном предикативе по сравнению с конструкцией «И. п. + инф.» нет, т. к. обе они фиксируются практически одновременно, с XII–XIII вв. Конструкция «И. п. + инф.» могла способствовать распространению тех разновидностей конструкции с И. п. объекта, к-рые не связаны с модальным предикативом, т. е. И. п. объекта при причастии, деепричастии и спрягаемой форме глагола. В XV–XVII вв. деепричастный оборот с И. п. объекта мог быть расширен формой субъекта деепричастия в дат. п., ср. *отпахавши имѣ пашня, дополна имѣ быти на царя на Менли-Гирея* ‘после того как они вспашут пашню, им всем следует пойти в поход против царя Менгли-Гирея’: в подобных примерах субъект деепричастия и субъект инфинитивного предложения, к к-рому присоединен деепричастный оборот, указывают на одно и то же лицо, поэтому модальная семантика, характеризующая необходимость/возможность основного действия, обозначает-

мого инфинитивом, распространяется и на предшествующее/побочное действие, обозначаемое деепричастием. В употреблении И. п. объекта при личной форме глагола модальное значение может исчезать совсем, если предложение описывает реально состоявшееся действие, ср. ранний пример: *Наша печать завьсили есмо* ‘мы привесли нашу печать’ (1388 г.).

В диалектах рус. Севера в начале XX в. получают широкое распространение предложения с несогласуемым причастием на *-но/-то* и именем в И. п., ср. *изба поставлено, корова угнато*. Выдвигалась гипотеза о том, что обороты типа *изба поставлена* закрепляются прежде всего в тех диалектах, где была продуктивна конструкция *земля пахать*. Однако среди диалектологов нет согласия в интерпретации данной сев.-рус. конструкции. И. Б. Кузьмина трактует ее как безличный пассив для тех диалектов, где параллельно представлен оборот *земля пахать*, в то время как В. И. Трубинский видит в ней личное предложение с нарушением согласования. В памятниках акающих диалектов XV–XVII вв. схема с именем в И. п. и несогласуемым причастием на *-но/-то* диагностируется с трудом, т. к. в акающем диалекте написания типа *выдано лошадям осьмина овса* могут отражать как несогласуемую форму с. рода, так и согласуемую форму ж. рода (= *выдана*).

В рус. литер. языке дополнения в И. п. перестают допускаться с конца XVIII в. – начала XIX в. (ср. еще у Г. Р. Державина И. п. *она* в позиции дополнения при безличном предикативе: *Премудрость я оставил: не надо мне она*), и конструкции с И. п. при инф. и И. п. объекта начинают восприниматься как ненормативные. Позднее они спорадически используются в художественных текстах для передачи просторечных, неправильных или диалектных употреблений, ср.: *Надо мне твои сваты!* — хмыкнула Лизка (Ф. А. Абрамов). Параллельно из литер. языка исчезает большинство неаргументных употреблений И. п.

И. п. дополнения пережиточно сохраняется в совр. литер. языке при количественных группах с числительными *два, две, три, четыре* (*мне было нужно две помощницы*), при запрете на употребление именных групп в И. п. в данной позиции (**мне было нужно новая помощница*). В предложениях в форме страдательного залога и.п. количественных чис-

лительных *два, две, три, четыре* является в позиции подлежащего обязательным (*было ранено два солдата*), в то время как формы в.п. этих числительных в данной позиции исключены (**было ранено двух солдат*).

Вероятными реликтами конструкции «И. п. + инф.» в совр. литер. языке (с XIX в.) являются вводное выражение *правда сказать* и вводное выражение/восклицание *шутка сказать*: *Я, дед, правда сказать, слышал, будто как гром какой-то загремел* (С. Н. Сергеев-Ценский); *Я ему слегка завидовал – шутка сказать, первая вахта!* (Ю. А. Сенкевич). От свободных сочетаний «И. п. + инф.», возможных в русском языке предшествующего периода, они отличаются жестко закрепленным порядком слов. Закрепленное в совр. языке употребление застывшей формы И. п. слова *правда* как в значении 'на самом деле', так и в значении 'возможно', 'принимая в расчет, что' могло возникнуть на основе оборота *правда сказать*.

Даниленко А. І. Предикати, відмінки і діатези в українській мові: історичний і типологічний аспекти. Харків, 2003. С. 224–264; Зализняк А. А. Др.-новгородский диалект. М., 2004. С. 156–157; Котков С. И. Конструкция типа *земля пахатъ* в истории южновеликорусских говоров // Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз. 1959. 18, 1. С. 45–53; Крысько В. Б. Развитие категории одушевленности в истории рус. языка. М., 1994. С. 192–197; Кузьмина И. Б., Немченко Е. В. К вопросу о конструкциях с формой именительного падежа имени при переходных глаголах и при предикативных наречиях в рус. говорах // Вопросы диалектологии вост.-слав. языков. М., 1964. С. 151–176; Ларин Б. А. Лекции по истории рус. литер. языка (X – середина XVIII в.). М., 1975. С. 117–134; Маркова Н. В. Диалектные способы выражения субъекта и объекта в онежских говорах и их история: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1989. С. 19–53; Попов А. В. Синтаксические исследования. Воронеж, 1881. С. 46–49 (переизд.: Сравнительный синтаксис именительного, звательного и винительного падежей в санскрите, др.-греч., лат. и других языках. М., 2012); Потехня А. А. Из записок по рус. грамматике. Т. 1–2. М., 1958. С. 372–375, 406–407; Сравнительно-исторический синтаксис вост.-слав. языков: Члены предложения. М., 1968. С. 365–368; Ронько Р. В. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в инфинитивных клаузах в др.-рус. языке // Рус. язык в научном освещении. 2016. № 1 (31). С. 158–181; Ронько Р. В., Циммерлинг А. В. Параметр номинативного объекта и синтаксис инфинитивных оборотов в диалектах рус. Севера и в др.-рус. языке // Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. Сер. Филологические науки. 2015. № 1. С. 57–66; Станишева Д. С. Конструкция типа *земля пахатъ* в системе синтаксических средств вост.-слав. языков // Slavica. 1966. 35. С. 1–16; Степанов Ю. С. Оборот *земля пахатъ* и его индоевропейские параллели // Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка. 1984. Т. 43, № 2. С. 128–143; Трубинский В. И. Очерки рус. диалектного синтаксиса. Л., 1984. С. 23–25, 108–112; Циммерлинг А. В. Кому *проспати заутрєня* и *ловити рыба*? Име-

нительный падеж дополнения инфинитива как предмет грамматического описания // Die Welt der Slaven. 2019. № 2. С. 299–347; Шахматов А. А. Синтаксис рус. языка. Л., 1941. С. 135–140; Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии рус. речи. Л., 2001. С. 326–335; Dunn J. A. The nominative and infinitive construction in Slavonic languages // The Slavonic and East European Review. 1982. Vol. 60. P. 500–527; Miklosich F. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. Bd. IV. Vindobonae, 1883. S. 346; Porák J. Vývoj infinitivních vět v češtině. Praha, 1967. S. 81–85; Timberlake A. The nominative object in Slavic, Baltic, and West Finnic. München, 1974.

А. В. Циммерлинг